

Литература

1. *Спарк М.* Избранное: Сборник./Пер. с англ. Составл. и вступ. Статья Г. Анджапаридзе.-М.: Радуга, 1984. С. 179–277.
2. *Джин Шинода Болен* Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь / Перв. с англ. М.: ООО Издательский дом «София», 2006. 272 с.

«Я» И «МЫ» В ВОСТОЧНОСЛОВЯНСКИХ КУЛЬТУРАХ И ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА)

Т. А. Михалкина

Культура каждого народа по-своему интересна. Белорусская культура не является исключением из этого правила. Развиваясь в общем русле восточнославянских традиций, она в силу сложившихся исторических условий обогащалась новыми, не исконно славянскими элементами. Территория Беларуси, как известно, на протяжении многих веков была своеобразной границей между Западом и Востоком. Это не могло не оказать влияние на ее культуру.

С. Г. Тер-Минасова пишет: «Как известно, культуры делятся на коллективистские и индивидуалистические» [1, с. 525]. Коллективистскими считаются страны Востока. Основной их принцип – быть как все. «Это значит: не выделяться из коллектива ни внешне, ни внутренне, подчинить свои личные нужды, интересы, способности, таланты нуждам и интересам коллектива, не возвышаться над ними ни в коем случае – ни в переносном смысле слова, ни даже в прямом» [1, с. 525].

В странах же Запада с раннего детства развивают независимость и самостоятельность, то есть воспитывают индивидуальность в человеке. Белорусская культура явно тяготеет к коллективистскому Востоку, но находится при этом в тесном контакте с Западом, поэтому испытывает влияние обоих и, как результат, находится на перепутье. С одной стороны – восточная коллективистская основа, ориентация на объединение и всеобщность идей и интересов. С другой – западные понятия ‘частного’ и ‘собственного’, осознание каждым человеком себя как личности. Белорусский народ в результате смешения этих идей приобрел необычное соединение черт характера: толерантности, скромности и чувства собственного достоинства. В белорусе заложено уважение к другому человеку и к себе самому. Он воспринимает себя как личность, но при этом скромный и не склонен выставлять напоказ свою индивидуальность. В то же время белорус легко уживается в коллективе и воспринимает себя как его часть. Другими словами, в белорусской культуре сплелись понятия коллективности и индивидуальности. Они представлены и в языке в категориях «я» и «мы».

Целью исследования было выявить соотношение этих категорий в белорусской культуре и выяснить, с помощью каких основных элементов они отражаются в языке.

Категории коллективности и индивидуальности проявляются в речевой деятельности прежде всего в употреблении личных местоимений первого лица «я» и «мы». Функция этих местоимений не ограничивается только указанием на участников речевой ситуации. Они представляют также менталитет говорящих, их отношение к окружающему миру. Местоимение «я» связано с выражением личности говорящего. «Я» – это высшая степень индивидуализации, которая может быть достигнута средствами языка. Но знак «я» не принадлежит языку и каждый раз создается в актах речи [2, с. 32]. В определенной ситуации «я» характеризуется как индивидуальность, но при этом оно только указывает на говорящего, не сообщая каких-то свойств, степени значительности личности. То есть человек, осознающий себя как личность, передает это посредством использования в речи местоимения «я». В сборниках пословиц и поговорок белорусского языка было выделено 129 примеров, содержащих формы этого местоимения: *Біліся, дык ён наверх, а я падніз, то я падніз, а ён наверх. Ці я таго хацела, каб з лаўкі зляцела? Я ніколі нікому нічога ніякага, а калі што якое, дык што там такое? Дарагая тая хатка, дзе радзіла мяне матка. Скажы мне, хто твой друг, і я скажу, хто ты. Вазьмі, нябожжа, што мне нягожжа. Я не я і хата не мая. За вамі і мяне не відаць. Не ліжы мяне, калі я салодка: сама сябе выліжу. Не пры табе пісана, не пры мне казана.*

«Мы» в речевой ситуации представляет группу людей, одним из которых является говорящий. Остальными элементами могут быть или непосредственные участники разговора, или лица, о которых в разговоре идет речь. «Мы» всегда отождествляется с коллективом, то есть представляет не одного человека. При этом «мы» не соотносится с «я» по числу. Единственным числом для него, скорее всего, является сочетание «один из нас». Употребление в речи форм этого местоимения свидетельствует о том, что в сознании говорящего происходит отождествление себя с частью коллектива. Например: *Мы з табою, як рыбка з вадою. Без грошы мы і ў судзе нехарошы. Пан з панам пазнаецца, а мы ўсё-такі ў бядзе. Пан робіць нам на глум, а мы бяром на вум. Бачылі цудатворцы, якія мы багамольцы. Каб нам жылося, былося, каб у нашым жыцце калоссе вялося. Каб у нас вяліся свінні, авечкі, і мы жылі па-чалавечы. Каму па каму, а нам два. Нам з ім не дзяцей хрысціць. У нас не гардзяцца: дзе стаяць, там і садзяцца.* Примеров с формами этого местоимения было выписано 54.

Наряду с употреблением местоимений «я» и «мы» имеются другие способы передачи значения коллективности и индивидуальности. При отсутствии этих местоимений, например в односоставных предложениях, важную роль играет категория лица глагола-сказуемого. Учеными было замечено, что белорусский язык часто показывает стремление говорящего не делать акцент на своей личности. «Грамматически выраженная персонализация – употребление 1-го лица единственного числа в структуре предикативной “вершины” – глагола не соотносится со скромностью белоруса, “приниженностью” его личности в собственных глазах» [3, с. 124]. Из сборников пословиц и поговорок белорусского языка было выписано 76 примеров односоставных определенно-личных предложений, в которых производителем действия или носителем признака выступает не названное, но определенное лицо – сам говорящий или его собеседник: *Чаго не знаю, аб тым не спрачаюся. Што хачу, тое лапачу. Баюся, як заяц кабылы. Выіграю не выіграю, а рызыкнуць можна. І сам не дам, і другому не дам.*

Калі не намалоцім, то накалоцім. Як маем, так нажываем. Паглядзім, як кульгавы паскача. Разжывёмся, як у пастухі наймёмся. Панам аром, косім, а сабе хлеба просім. Як памром – з сабой нічога не забяром. Што маем – не шануем, а як страцім – плачам.

С одной стороны, отдельный белорус, прежде всего, осознавал себя как личность, что находило отражение в языке и речи в использовании форм местоимения первого лица единственного числа «я». Употребление этого местоимения делает акцент не столько на самом авторе, сколько на смысле его высказывания. При этом за формами этого местоимения, кроме личности говорящего, можно заметить выражение коллективного национального опыта.

С другой стороны, объединение людей в общины, длительное сосуществование и общность интересов не могли не повлиять на их сознание. Человек представлял себя еще и как часть коллектива. «До конца XIX – начала XX веков у белорусов сохранялись пережитки общинного строя, обычаев взаимопомощи» [4, с. 96]. Это нашло отражение в белорусских прецедентных текстах, то есть в пословицах и поговорках, созданных представителями этой культуры. Оба местоимения в них являются своеобразными застывшими свидетельствами, по которым можно судить об отношении людей к самим себе и к окружающим.

Следует отметить, что, в отличие от культуры советского периода, в текстах, принадлежащих дооктябрьскому времени, «мы» не предстает отражением безликой массы, толпы. Это определенная группа людей, разделяющих какое-либо мнение. В языке для представления этой груп-

пы использовалось и используется личное местоимение первого лица множественного числа. «Мы» представляет группу лиц, одним из которых обязательно является говорящий. В случаях употребления этого местоимения личность говорящего отождествляется с самим коллективом. Этой формой подчеркивается значение группы.

На синтаксическом уровне проявление категорий «я» и «мы» может быть выражено в употреблении односоставных определенно-личных предложений. Выявленные нами прецедентные тексты белорусской культуры свидетельствуют о том, что развитие индивидуалистической сущности белорусов происходило еще в далеком прошлом, и, в силу сложившейся культурной и исторической обстановки, не угасло, но и не распространилось, как это было в странах Запада. Все эти факты характеризуют белорусскую культуру как самобытную, в которой органично сплелись осознание человеком себя как личности и умение сосуществовать в коллективе, где, несмотря на все различия, люди наделены одинаковыми правами и обязанностями.

Исследование белорусской культуры в аспекте соотношения понятий «коллективного» и «индивидуального» является актуальным, поскольку в последнее время в белорусском языке имеется тенденция к персонификации, что является отражением изменения восточнославянского менталитета под влиянием западного мышления и образа жизни. Коллективистская направленность постепенно сменяется индивидуализацией в языке, а, следовательно, и в действии, что предоставляет широкую область для исследований филологам и культурологам.

Литература

1. *Тер-Минасова С. Г.* «Я» и «Мы» в культурах и языках // X Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: сборник докладов. Т.2. С-Пб., 2003. С. 525–529.
2. *Селиверстова О. Н.* Местоимения в языке и речи. М., 1988. С. 26–37.
3. *Чумак Л. Н.* Синтаксис русского и белорусского языков в аспекте культурологии. Мн.: Белгосуниверситет, 1997. С. 124.
4. *Весь мир. Расы, народы, нации и народности: энциклопедический словарь.* Мн., 2000. С. 96.

СПАСЦІЖЭННЕ НАЦЫЯНАЛЬНАГА МИФА: ШЛЯХ ПАЛЯМОНА ДА ЛІТВЫ

Г. М. Міхальчук

Нацыянальнае – суплёт прасторавага і часавага, увасабленне вядомага «тут і цяпер». Але кожная нацыя хоча быць старажытнай нацыяй.